

Лада Зорина

Лада Зорина

Развод. Моя (не)желанная

<https://litres.ru/74214283>

Аннотация

— Эй! Что застыла? Так и будешь таращиться? — муж смотрит на меня с издёвкой. — Или планируешь присоединиться? Девица под ним хохочет, обвивая рукой его могучую шею. К горлу подступает дурнота. — Животное, — бормочу я и пячусь к двери. Породистое лицо Громова кривится в надменной усмешке: — А на что ты рассчитывала, когда на этот брак соглашалась?

Не на любовь, конечно. Даже не на симпатию. На элементарное уважение. Но в браке с властным магнатом мне досталась лишь ненависть. Развод — единственный выход. Но что делать, если развод временно невозможен?

♥#властный и brutальный герой ♥#невинная героиня
♥#вынужденный брак ♥#от ненависти до любви ♥#ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	63
Глава 13	69
Глава 14	73
Глава 15	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Глава 1

— ...а теперь жених может поцеловать невесту.

Кошусь на своего новоиспечённого мужа.

Ещё чего.

Пусть только попробует. На подобное я не подписывалась.

Ярослав Громов возвышается надо мной — дьявол во плоти, черноволосый и плечистый. Таять бы по нему и таять, если не знать, что скрывается за этим brutальным фасадом и природной харизмой.

Эгоистичное, безжалостное чудовище.

— Этот пункт мы пропустим, — уголок чётко очерченно-го рта приподнимается в едкой усмешке.

Ну, хоть в этом мы с ним отыскали согласие.

Проводившая церемонию бракосочетания дама вежливо нам улыбнулась и кивнула. Думаю, космическую сумму Громов отвалил ей совсем не за то, чтобы она удивлялась и задавала вопросы.

Остаток свадебного вечера я помнила очень смутно. Молодожёны на время разбежались по разные стороны сказочно украшенного шатра, а гости будто бы ничего против такого положения дел и не имели. Гости со стороны жениха — так уж точно. Было совершенно очевидно, что эти расфуфыренные дамы и кавалеры прибыли на мероприятие, чтобы как следует оторваться. Подробности мероприятия их не

интересовали.

— Алин, ты как? — я обернулась.

Ульяна — моя двоюродная сестра — с опаской разглядывала шумное сборище и, очевидно, из последних сил сдерживалась, чтобы не жаться ко мне как испуганный котёнок.

Бояться-то она боялась, но добрая душа всё-таки в первую очередь моим состоянием интересовалась.

Я осторожно перевела дух, чтобы она не заметила, и улыбнулась. Почти жизнерадостно.

— В полном порядке.

— Правда?.. — на бледном личике читалось недоверие.

— Ага, — я кивнула и потёрла озябшее плечо. Свадебное платье, на которое мне по доброте душевной ссудил немалую сумму жених, выглядело сногшибательно, но совсем не грело.

Ничто не могло согреть расстилавшуюся внутри меня ледяную пустыню. Возможно, только осознание: я получила достаточную отсрочку, чтобы выкарабкаться из ямы, в которую меня сбросили жизненные обстоятельства.

— Так они... они теперь оставят нам дом? Ну, раз ты согласилась за Громова выйти.

— Они бы у нас его и так забрать не смогли, — буркнула я, вспоминая тяжёлые и долгие переговоры. — Ни дом, ни сад. Это всё наше и никуда от нас не денется. Не переживай.

Уля склонила голову набок. Она выглядела озадаченной:

— А зачем же тогда... зачем ты за него вышла?

Я поймала взглядом плечистого bruneta в идеально скроенном чёрном костюме. Он улыбался своему собеседнику, но взгляд оставался холодным, колючим. Ему этот брак был не менее ненавистен.

— Уль, это... сложный вопрос. Я тебе когда-нибудь всё объясню, — я отвела взгляд от Громова. — Главное, что теперь у нас есть деньги, и ты сможешь продолжить учёбу. Нам с тобой есть где жить и на что жить. Об остальном не беспокойся.

Об остальном придётся беспокоиться мне.

Вот бы ещё заранее знать масштабы своих будущих беспокойств.

Я отправила сестру к столу, где ютились наши дальние родственники, приглашённые на торжество исключительно ради приличия и чтобы замылить глаза «Фонду Наследия Громовых-Митиных».

Грандиозное представление. И такая наглая авантюра, что только держись.

Но если она сработает, я буду считать, что ад, на который себя обрекла, стоил того.

Правда, мой новоиспечённый супруг будто нарочно старался вести себя так, чтобы зародить во мне по этому поводу сотню сомнений.

— Идём, — он вынырнул из толпы с поразительной для своей комплекции стремительностью, схватил меня за руку и потащил за собой.

— Совсем сдурел?! — я сумела выдернуть руку из его хватки только когда шатёр остался далеко позади и он за-тащил меня под своды портика, тянувшегося вдоль фасада центрального входа и обоих крыльев особняка.

Вотчина Громовых сегодня мерцала золотистой подсветкой в честь свадьбы её законного владельца.

— Послушай, садовница, — он навис надо мной, карие глаза агрессивно прищурились, — если я что-то тебе говорю, ты не рот разеваешь, а выполняешь мои указания. Это был единственный шанс свалить из долбанного цирка под предлогом того, что нам не терпится консумировать наш счастливый брак.

— Консу...

— У нас впереди типа первая брачная ночь. Теперь понятнее?

Я вздрогнула. Но Громов и не подумал тратить время на то, чтобы изучить мою реакцию.

— Удачи, — отсалютовал он и пошагал к парадному входу.

Я осталась одна в не по-летнему прохладной августовской ночи. Вдалеке гомонила оставленная на милость организаторам торжества хмельная толпа. За спиной у меня высился особняк — мой новый дом, в который меня не приглашали.

Может, стоит его разыскать и хотя бы спросить, что мне теперь делать? Мы ведь этот вопрос даже не обговорили.

Мы вообще едва говорили, пока велись эти странные, су-

масштабные переговоры, приведшие к скоропалительному браку.

Время играло против нас обоих.

И мы вроде как выиграли. Но почему-то сейчас триумфатором себя ощущал только Громов.

Проторчав на крыльце с полчаса, я всё-таки смалодушничала и сначала заглянула на кухни, где кипела жизнь. Повара неустанно трудились, туда-сюда сновали официанты, обслуживавшие торжество.

На меня в моём пышном платье по понятным причинам так странно косились, что выпив воды, я поскорее оттуда сбежала.

По предварительному договору, с момента свадьбы я жила здесь, но по факту... стоило ли оставаться?

Нет, нужно всё-таки разыскать Громова и потребовать от него ответа.

Размышляя, как лучше с ним заговорить, я добрела до второго этажа. В хозяйских покоях я никогда не бывала, а после гибели родителей Громова так и вовсе в доме не появлялась.

Но полоска света под одной из дверей, выходящих в широкий обитый деревом коридор, привёл меня в нужное место.

Погрузившись в репетицию своего простого вопроса, стучу и толкаю приотворённую дверь.

Поднимаю взгляд и прирастаю к порогу.

Прямо передо мной гигантских размеров постель, а на ней Громов энергично... консумирует брак.

Мощные мышцы спины перекачиваются под загорелой кожей. Большие ладони с длинными крепкими пальцами впиваются в нежную плоть пышногрудой девицы.

Моё рефлекторное «Ой!» заставляет его обернуться.

Наши взгляды скрещиваются, словно шпаги.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но шок не позволяет.

— Эй! Что застыла? Так и будешь тарашиться? — муж смотрит на меня с откровенной издёвкой. — Или планируешь присоединиться?

Девушка под ним хохочет, обвивая рукой его могучую шею. Мое лицо кривится в отвращении.

— Животное, — бормочу я и пячусь к двери.

Породистое лицо Громова кривится в надменной усмешке:

— А на что ты рассчитывала, когда на этот брак соглашалась?

Я вылетела из спальни, захлопнув за собой дверь и привалилась к ней спиной, переводя дух.

Так вот как теперь будет выглядеть наша «счастливая семейная жизнь»...

Так вот на что я подписалась...

Друзья, приглашаю вас в мою новинку
 «Развод. Ты обещал, что не предашь»

Читать: <https://litnet.com/shrt/aUBZ>

— Альбина в беде, — процедил муж. — Я должен ей помочь.
 Я вспомнила те их нежности на парковке ... В груди защемило.
 — А какое тебе, к чёртовой матери, дело до её бед?
 — На этот раз вопрос личный, — выговорил он через силу.
 — Это личное касаться нас никак не должно!
 — Но касается, — отрезал Данила.
 — Как? — мой голос ослаб. — Каким образом? Говори, Громов!
 Данила поднял на меня больной взгляд:
 — Когда мы с ней расставались, я не знал. Она мне ничего не сказала.
 — Чего... не сказала?
 — Когда мы расстались, Альбина была беременна. У меня есть сын, Ксения. Ему семь.

♥# властный мужчина
♥# сложные отношения
♥# очень эмоционально
♥# ХЭ

Глава 2

— Что-то я не пойму. У тебя с этим проблемы? — тёмный взгляд сканирует моё лицо, и я просто не могу позволить себе расплакаться.

Да и с чего бы мне плакать? Подумаешь, жених сбежал с торжества, чтобы покувыркаться в постели с какой-то девицей. Снять напряжение суматошного дня.

Я ведь разве могу считаться женой, даже если соответствующий штамп теперь замазает мой паспорт?

— С тем, что ты прямиком из-за свадебного стола в койку с какой-то девицей прыгнул? — я ответила ему не менее пристальным взглядом. — Да о чём ты? Всё в полном порядке.

Громов хмыкает. Я стараюсь не смотреть на его обнажённый торс и не обращать внимания на тот факт, что одной рукой он без труда удерживает меня на месте. В коридоре мёртвая тишина. Нет никакой надежды, что нашей внезапной беседе помешают

Особняк вообще будто вымер сегодня — словно всю обслугу отсюда вытурили, чтобы не мешала хозяину как следует и очень оригинально праздновать свою свадьбу.

— Вот именно, — указательным пальцем свободной руки Громов подцепил мой подбородок, вынудив снова взглянуть на него. — Всё в полном порядке. Не смей строить из

себя обиженку. Слышишь меня, садовница? Я не от хорошей жизни на этот брак согласился и целибатом морить себя не собираюсь.

Я сглотнула.

Боже, какая унижительная и донельзя идиотская ситуация. А самое паршивое в этом то, что по факту он прав. Я жена ему лишь на бумаге.

Но зачем оскорблять? Зачем строить из себя всемогущего?

— И у тебя настолько чесалось, что ты прямо в первую брачную ночь решил этот порядок для себя закрепить?

Я попыталась выдернуть руку из его хватки, да только куда там... Держал он меня будто клещами.

— Тебе-то какая разница? Или, может, завидно? Так заведи себе мужика — и вперёд. Мсти мне за неверность.

Он хмыкнул, будто остался доволен своей дебильной штукой.

— Ты совсем идиот? — во мне просыпалась звериная злость. — Зачем мы вообще тогда весь этот кошмар затевали? Эту чёртову свадьбу!

— Затем, — его лицо приблизилось к моему, заставив меня замереть как загипнотизированного кролика, — что это единственный шанс нам обоим остаться на плаву. Тебе сколько раз повторять, необучаемая? Я спасаю свой бизнес, ты сохраняешь свою халупку и свой драгоценный сад. Или всё-таки желаешь пересмотреть договор? Так вот напомним.

Новый собственник поместья Громовых — новый договор. И тогда никакой патронаж «Фонда» тебя не спасёт. Вылетишь отсюда как пробка и будешь жить под мостом.

Сволочь.

— И не надо смотреть на меня влажным взглядом нищей сиротки, — кажется, он тоже начинал по-настоящему злиться. Тяжёлая челюсть окаменела, на узкой переносице собралась морщинка.

— Если ты продолжишь в том же духе, «Фонд» как раз по твоей тупой башке и надаёт! — я спешила ему нагрубить в отчаянной попытке отыграться.

Это было ошибкой. Это было большущей ошибкой — соглашаться на брак.

Я только сейчас осознала это во всей полноте.

Я плюс Громов под одной крышей равно катастрофа.

— Не понял, — зарычал он, пальцы на моём плече сжались. Те самые пальцы, которые ещё каких-то десять минут назад так энергично мяли розовые прелести неизвестной девицы.

Гадко. Мерзко. Отвратительно.

— Неудивительно. Ты же знаешь, что они займутся проверкой. Если хоть кто-то из них заподозрит, что брак фиктивный, всему конец. Это и младенцу понятно, — я смирила его взглядом. — А ещё за границей учился. Было бы чем хвастаться.

— Не беси меня, Митина! — муж встряхнул меня и при-

тянул поближе к себе, будто стремился удостовериться, что я ни одной запятой в его речи не пропущу. — Я потому тебе и сказал слушать меня и поменьше пускать в ход свой ядовитый язык. Это тебе понятно? Я от своего образа жизни ради брака с тобой не откажусь. Можешь жить монашкой, сколько тебе угодно. Дело твоё. А меня оставь в покое. Никто из «Фонда» мою спальню проверять не полезет, если ты не примешься язык распускать. Поняла?

— Я не собираюсь никому жаловаться! — меня неожиданно задело его предположение.

Да плевать! Пусть как хочет кутит, чудовище ненасытное, но неужели нельзя блудить где-нибудь подальше от дома?

— Так и не заваривай тогда всю эту драму. Какая тебе разница, с кем я сплю? Главное, что не с тобой, верно?

Я поперхнулась воздухом и прижала руку к груди в рефлекторной попытке отгородиться даже от призрачной вероятности такого исхода.

Громов сухо и коротко рассмеялся. Карие глаза заледенели.

— Упаси боже, садовница. Тебе до моего вкуса ещё расти и расти, — его взгляд беспощадно прошёлся по моей фигуре, остановился на скромном вырезе подвенечного платья. — Если это в принципе ещё возможно.

Мой мозг ещё обрабатывал его оскорбительный комментарий, а рука уже взметнулась вверх, и погружённую в сумерки тишину уютного коридора взрезал хлёсткий звук по-

щёчины.

Громов даже не поморщился. Склонился ко мне ещё ближе и почти прошептал:

— Ах какие мы нежные и ранимые. Что цветочки в саду, — тёмный взгляд напоследок прошёлся по моему горящему от унижения лицу. — Советую привыкать к новой жизни, садовница. И не ломиться в двери моей спальни, чтобы лишний раз себя не расстраивать.

Его пальцы наконец-то разжались.

— Увидимся, — бросил он, развернулся и пошагал прочь, в спальню, где его дожидалась его пышногрудая.

Я привалилась к стене и перевела дух.

Меня пошатывало и одновременно трусило.

Боже мой, Митина, во что же ты вляпалась.

Во что же ты, непроходимая дурочка, вляпалась...

Глава 3

— Алина Сергеевна, а вы... вы куда? — горничная Марина хлопала глазами, пока я, словно заполошная, металась по комнате, сбрасывая в обыкновенный картонный ящик свои пожитки.

В голове — зияющая пустота.

А ещё явственное неверие в то, что всё это происходит со мной наяву.

— Я ведь просила вас не трогать мои вещи. Ведь просила же. Ведь просила, — бормотала я, будто помешанная. — Ну расписались и расписали. Сыграли эту чёртову свадьбу. Галочку поставили. Разве этого недостаточно? Зачем было тащить меня в дом, когда...

Я проглотила рвавшееся наружу рыдание. Да не в пышногрудой дело. Пусть с кем хочет кувыркается. Просто... унижительно это. Невыносимо, когда эта богатая, эгоистичная сволочь ещё и насмеяться над моим положением себе позволяет.

Будто ему самому эта женитьба была не нужна!

Он ведь без их безумного договора тоже пропадёт.

Тут бы поддержать друг друга, понять, что сейчас в одной лодке. А он из свадебного шатра сразу в койку с какой-то девицей полез.

Животное ненасытное.

Изверг.

Гад.

Ненавижу!

— Так... вы же теперь здесь хозяйка...

Я позволила себе истеричный смешок и швырнула в коробку домашние тапочки.

— Марин, будешь мне выкать, я с тобой вообще разговаривать перестану, ясно? А что до хозяйки...

Я перевела дыхание, очень вовремя напомнив себе, что не имею права распространяться. Чем меньше людей знает об истинной природе нашего скоропалительного брака, тем меньше шансов правде просочиться наружу. В конце концов от этого зависело моё будущее. Которое ещё никогда не виделось мне настолько мрачным.

— ...что до хозяйки, то я тут хозяйничать не собираюсь.

Мой взгляд скользнул по аккуратно сложенному в кресле подвенечному платью и приставленным рядом белым туфлям.

Безумие...

— Марин, я возвращаюсь к себе. Пожалуйста, не распространяйся об этом. Очень прошу.

Она кивнула, окинула меня взглядом, перевела его на коробку:

— Ну тогда... может, я хоть Мишку попрошу, чтобы он ва... тебе вещи донёс?

— Глупости, — я застегнула толстовку и подхватила свою

ношу. — Тут только одежда и всякие мелочи. Сама донесу.

И, верная своему слову, покинула особняк Громовых, бодро пошагав в ночной тишине через продуваемый по-осеннему свежим ветром сад.

К этому времени праздник уже отгремел, гости разъехались, но я меньше всего волновалась об этих вещах. Свадьбу Громов целиком и полностью переложил на плечи опытных организаторов, которые за положенную сумму эту свадьбу, должно быть, провели бы и без жениха с невестой.

Вот это был бы идеальный вариант.

Я вздохнула, поудобнее подхватила коробку и ускорила шаг.

Скоро впереди замаячили желтые огоньки окон моего родного коттеджа. Уля, наверное, ещё не спала.

И уж точно не ожидала, что её бедовая старшая сестра явится домой среди ночи.

Так и оказалось.

— Господи, я насмерть перепугалась! — она стояла на пороге в одной пижаме, прижав руку к груди. — Ты что тут делаешь? Что случилось?

Я протиснулась мимо неё внутрь и опустила коробок на пол в нашей скромной, но бесконечно уютной прихожей.

— Ошибка случилась. Тридцать с лишним лет назад на свет появился Ярослав Громов, человек и первосортная сволочь, — пропыхла я, вылезла из своих стоптанных кроссовок и потопала в ванную.

— А...

— Не сейчас, — помотала я головой. — Со мной всё в порядке. Просто я наконец-то сообразила, во что вляпалась. Но, знаешь ли, лучше поздно, чем никогда. Завтра буду думать, как жить с этим вот пониманием.

И ведь я душой не кривила.

Я собиралась проснуться чуть свет, хорошенько забыть о состоявшемся вчера торжестве и обмозговать своё дальнейшее житьё-бытьё.

Но есть планы, а есть реальность. И она не стесняется вносить в твои планы безжалостные корректировки.

Очнулась я в восемь утра от громкого стука во входную дверь.

Сегодня... вторник? Вроде бы вторник. Поставщик удобрений для восточной части сада приедет не раньше четверга. Я точно помню, что мы на четверг договаривались. Так кому там не спится?

Я махнула рукой выглядывавшей из дверей своей спальни Ули, мол, не суетись, я открою.

Даже халат поверх не натянула. После вчерашнего балагана чувствовал себя настолько разбитой, что всё было сейчас ни по чём.

Может, доставка гравия? Я для садовых дорожек заказывала и...

— Какого чёрта? — из распахнувшейся двери на меня дохнуло осенней прохладой и преступно дорогим парфю-

мом. Весь дверной проём заняла могучая фигура Громова, смотревшего на меня, как на врага.

Карий взгляд скользнул вниз, и я с ужасающей отчётливостью поняла, что моё тело естественным образом отреагировало на холод.

Стянув на груди пижамную футболку, я застучала зубами:

— Т-т-тебе чего надо?

— Митина, ты сдурела? — он поднял взгляд от моей футболки. — Марш в дом, идиотка! Ты забыла про уговор? После свадьбы ты живёшь в моём доме!

— Девицу свою попроси! Вот пусть она с тобой и живёт! — какого-то чёрта рывкнула я и попыталась закрыть дверь.

Попыталась.

Но не сумела.

Глава 4

— Яр?..

— М? — он лениво чертил на спине Илоны невидимые узоры. Эта ненасытная женщина знатно его укатала.

И он был не против. Ему требовалось стряхнуть с себя невероятное напряжение последних дней.

Всю эту дикуую кашу, которую они от безысходности заварили.

— Эта твоя свадьба ведь ничего не изменит? Ты же не променяешь меня на эту... там же ни кожи, ни рожи. Страшененькая.

Ему вспомнились светлые локоны и выразительный взгляд. Ну, не красавица, может, но не страшная, это уж точно. Хотя сложно сказать, когда помнишь её ещё тощей, угловатой девчонкой со стёсанными коленками.

— Брось. Иначе подумаю, что ты ревновать вздумала.

Илона приподнялась на локте, уставилась ему в глаза едва ли не умоляюще.

— Нет, Яр, я серьёзно. Ты же теперь на жену свою не переклочишься?

— Я сейчас где? — вместо ответа спросил он.

Она улыбнулась.

— То есть ты с ней... вы с ней вообще — нет?

Ярослав закатил глаза и вздохнул:

— Я её голозадой девчонкой помню, бегавшей по нашему саду, как сумасшедшая. Алька — наша прислуга. Как были её родители, и родители их родителей, и так далее. У Митиных с Громовыми длинная история, которая тянется на пару веков назад. И нет, я с ней вообще — нет. Моя женитьба на ней ничего не изменит. Этот брак мне нужен для бизнеса. Это всё, что тебе положено знать. Ясно?

— Ясно, — успокоилась она после его экспресс-экскурса по ситуации и снова легла к нему под бок. — Потому что я делить тебя с этой блондиночкой не намерена.

— А вот давай я сам буду решать, с кем себя делить, — нахмурился он. — Мы с тобой договаривались. Чистый секс. Никаких лишних привязанностей.

Илона снова на него посмотрела, надула и без того пухлые губы:

— Ну а, может, я уже не считаю их лишними.

— Не мои заботы.

Зелёные глаза прищурились:

— Ну ты и холоднокровное, Громов. Правду о тебе говорят: тело у тебя горячее, а сердце — ледяное.

— Ого, — хмыкнул он. — Так обо мне говорят?

Илона пожала плечами:

— Можно подумать, армия твоих бывших будет держать язык за зубами. Столичная тусовка ненавидит тебя и обожает по одним и тем же причинам. Ты умудряешься быть её частью и оставаться недоступным. Как у тебя это выходит?

Настал его момент пожимать плечами:

— Врождённый талант.

Врал, конечно же.

Навык. Умение выживать. Никого не подпускать достаточно близко, чтобы этот кто-то после тебя не уничтожил

В мире больших денег и власти подпускать к себе всех без разбора — так себе, если честно, стратегия.

Как и стремление понравиться всем.

Доброта не работает. Искренность смертельно опасна.

Чувства — яд. Одинаково эффективно убивают и тебя, и окружающих.

Прибавить ко всему этому то, что последний год был непростым. Нет, не непростым. Последний год был сплошным, непреходящим кошмаром. Гибель родителей. Жуткие новости об оставленных ему в наследство долгах. Лихорадочные поиски выхода из положения... И потом ещё это. Свадьба на пигалице из фамильного сада.

Звучало как бред.

Как бред сумасшедшего.

Как бред пьяного сумасшедшего, ещё и на чём-то сидевшего.

Но, может, крайняя идиотичность ситуации сыграет им на руку. Может, представители «Фонда Наследия» ни за что не поверят, что Громов, будучи в своём уме, совершенно осознанно решился на подобную авантюру.

К слову об аванюре. Удовольствия удовольствиями, но и

про обязанности забывать нельзя.

Он скосил глаза на прикроватную тумбочку — будильник высвечивал семь утра. Самое время начинать готовиться к спектаклю под названием «Теперь я женат».

Чем раньше начнётся спектакль, тем раньше закончится.

Он наверняка и глазом моргнуть не успеет, как проект окупится, он приведёт в порядок дела и с чистым сердцем подаст на развод. Этот бред закончится. И он забудет о нём как о дурном сне.

Но пока...

Пока ему придётся строить из себя если не примерного, то хоть какого-нибудь, типа, мужа.

— В душ, — скомандовал он Илоне. — Тебе в офис пора. И у меня сегодня дел полно.

— Жестокий, — протянула Илона. — А знаешь, что?

— Что? — он поймал её смеющийся взгляд.

— Выходит же, что я даже больше твоя жена, чем твоя бледная блондиночка. Ты ведь со мной свою первую брачную ночь провёл, а не с ней.

Ярослав скривил губы:

— Тебя этот факт каким-то образом утешает? Заводит? Радует?

— Вероятно, всё сразу, — хихикнула Илона и голышом поскакала в душ.

Яр откинулся на подушки. На душе было не сказать чтобы светло.

Зачем-то вспомнилась вчерашняя дурацкая ссора с Митиной в коридоре.

Девчонка сверкала глазами и что-то там ему выговаривала. Он и помнил-то плохо.

Башка гудела от произошедшего.

Надо её разыскать и поговорит по-людски.

Нравится или нет, им вместе тянуть эту лямку.

Нужно искать какие-то компромиссы.

А полчаса спустя он, матерясь сквозь зубы, уже шагал к коттеджу садовников Митиных на самом краю угодий Гро-
мовых.

К чертям компромиссы! С этой занозой они не сработают!

Глава 5

— Даже не думай!

Широкая ладонь впечаталась в дверь и оттолкнула её с такой силой, что я едва кубарем не покатилась вглубь прихожей.

— Вали отсюда, Громов! — ошетибилась я, не оставляя бесполезных попыток всё-таки оттеснить его от порога и закрыть дверь.

— Какого чёрта ты этот цирк разводишь? — прорычал незванный гость и, очевидно, устав от моих потуг от него избавиться, шагнул в коттедж и запер за собой дверь.

Тёмный взгляд метнулся поверх моей макушки, и тучи на его лице на мгновение разошлись:

— Привет, красавица. Не против, если мы с твоей сестрой наедине поговорим?

Я обернулась. Стоявшая на выходе из коридорчика в наши спальни Уля переводила круглые глаза с Громова на меня и обратно.

Я смахнула со лба прядь, вывалившуюся из лохматой после сна косы, и кивнула двоюродной сестре, мол, всё в порядке.

Уля кивнула в ответ и умчалась в свою комнату.

— Тебе заняться нечем? — прошипела я. Тело начинало вибрировать от резкого выброса адреналина. — Какого чёр-

та ты мне с самого утра жизнь портишь? Свадьбу сыграли? Сыграли. Я свою роль выполнила? Выполнила. Так и отвяжись от меня хоть ненадолго! Возвращайся в постель к своей как-её-там.

— В твоей башке хоть какое-то представление о логике существует? — рычащая двухметровая гора мускулов надвинулась на меня, будто Громов намеревался силой мне втолковать то, чего я ещё не уяснила. — По условиям договора, с этих пор ты живёшь под моей крышей! То ты мне о правилах напоминаешь, то сама же их нарушаешь! Мне сюрпризы сейчас ни к чему!

Вот уж новость. Ярослав Громов был помешан на контроле и ненавидел, когда что-нибудь шло не по плану. Не по *его* плану.

— Какие ещё сюрпризы? — скривилась я. — Всерьёз ожидаешь, что кто-нибудь из Фонда...

— А Пашинский не об этом нас предупреждал? — перебил он меня.

Перед глазами встало бледное вытянутое лицо одного из юристов, обслуживавших семейство Громовых.

Он много чего говорил в тот не по-летнему холодный и пасмурный июльский день, когда я серенькой мышкой скукожилась на стуле за переговорным столом поместья Громовых.

— Напоминаю, если хотите, чтобы затея выгорела, вам придётся какое-то время прожить, как и любой супружеской

паре. Вместе.

Он выразительно посмотрел на нас по очереди, но всё, о чём я тогда могла думать, это как бы поскорее смыться из этого гулкого, роскошного особняка и забыть бездну унижения, которое испытала, пока мы обсуждали условия нашей безумной сделки.

— Я помню, о чём он нас предупреждал, — я скрестила на груди руки в надежде, что этот жест придаст мне хоть немного уверенности. — Но это совершенно не значит, что мы должны разыгрывать этот спектакль 24 на 7.

— А ты как собралась справляться с этой задачей? — прищурился Громов, скопировав мою позу.

— Да никак, — уверенности в моём голосе поубавилось. — Я бы... ну, от крыльца до въезда в ваши владения езды целых десять минут. Тебе же оттуда, с пункта пропуска всё равно докладывают о гостях. Я бы успела явиться в дом и...

— Крыша у тебя совсем потекла, как в этом твоём коттедже, — отрезал Громов и обвёл взглядом комнату. — Где твои вещи? Давай собирайся и марш в дом. Я повторять по сто раз не буду. Мне больше делать нечего, как оповещения тебе отсылать, если к нам из «Фонда» в гости пожалуют.

— Я всего-то выспаться нормально хотела, — буркнула я. — Подальше от тебя и от твоих внебрачных оргий, понятно?

— Митина, — обманчиво спокойный тон не смог ввести меня в заблуждение, — хорош строить из себя ревнивую жену. Через пару месяцев я закрою проект, ты получишь свой

развод, как и договаривались, и катись на все четыре стороны читать мораль кому-нибудь другому.

Эта затея была провальной с самого начала. Недаром Пашинский смотрел на нас, как на идиотов. А мы, подгоняемые отчаянием, хватались за любую соломинку.

И нас, чёрт возьми, можно было понять!

Громов не хотел терять фамильный бизнес и становиться банкротом. Не его, понятное дело, вина, что в наследство от покойных родителей ему достались долги выше крыши. Ну а я не хотела терять крышу над головой и то, что мне завещано предками. А я очень легко могла всё это потерять, если Громов потеряет остатки бизнеса и поместье.

Вот такой адский узел связал нас с ним по рукам и ногам.

Но тогда мы были уверены, что сумеем пережить пару месяцев фиктивного брака.

И оба, кажется, недооценили высочайшую степень личной неприязни, которая оказалась стопроцентно взаимной.

Это грозило крахом нашему безумному предприятию.

Кому-то сейчас придётся всё-таки уступить. Во имя достижения общих целей.

Всего пару месяцев — и развод.

И мы забудем всю эту канитель как страшный сон.

— Я вернусь в поместье, — кисло отозвалась я. — Сегодня...

— Сейчас, — припечатал Громов. — У тебя пятнадцать минут. Жду тебя за завтраком.

Глава 6

— Надо же. Соизволила, — Громов придавил меня к месту взглядом, стоило мне переступить порог роскошной столовой.

А на меня вдруг накатили воспоминания месячной давности.

Это было как будто вчера и сто лет назад одновременно...

— Алина Сергеевна, вы понимаете, что за собой повлечёт смена собственника здешней недвижимости?

Я вздрогнула и уставилась на одного из пятерых юристов — безликих гладко выбритых молодых мужчин, рассеявшихся вдоль стола в парадной столовой фамильного дома Громовых.

Ещё носивший траурный строгий костюм наследник молча сидел во главе этого странного собрания, откинувшись на высокую спинку стула и скрестив на груди руки. Нога на ногу. Взгляд, будто сталь. И одна бровь эдак раздражённо приподнята.

— Не совсем, — честно призналась я, пытаюсь заставить работать свою гудевшую от новостей голову. — По первоначальному договору, Громовы владеют всем, включая парк, причал и участок реки ниже по склону с восточной стороны жилого здания и хозяйственных пристроек. Всем, кро-

ме коттеджа в западной части и дальнего участка сада. Они принадлежат Митиным.

— Ты наизусть это заучивала? — на лице Громова обозначилась сухая усмешка. Он по-прежнему выглядел бледным и осунувшимся, но держался.

Я старалась не отвечать ему в тон, хотя бы из сострадания. Потерять обоих родителей в один кошмарный день... такого никому не пожелаешь. Водитель, везший пожилую пару на столичное мероприятие, не справился с управлением, и...

— Само как-то запомнилось.

Не запомнишь тут, когда это часть твоей нетривиальной семейной истории. Семён Игнатьевич Митин — талантливый и находчивый первый садовник Громовых ещё в позапрошлом веке за свою верную и неустанную службу в течение сорока долгих лет умудрился выторговать у своих хозяев право передавать участок сада и выстроенный на нём коттедж в наследство потомкам.

Никто не имел права отчуждения этого участка земли и жилья у рода Митиных, пока тот естественным образом не прервётся сам.

За соблюдением правил договора с 30-х годов XX века наблюдал особый «Фонд Наследия Громовых-Митиных». Уникальная в своём роде ситуация.

И вся её уникальность грозила полететь коту под хвост из-за плачевного финансового положения Громовых.

— Если недвижимость сменит собственника, — напо-

нил о себе гладко выбритый юрист, — вы будете вынуждены перезаключить ваш контракт с новым владельцем земли, пересмотреть договор. Полномочия «Фонда Наследия» не позволяют ему гарантировать вам сохранение ваших прав в неприкосновенности. По той простой причине, что подобная ситуация в документе не обговаривалась, а за все эти годы никто из потомков обеих сторон не озаботился обновить договор.

Я сглотнула:

— Это значит...

— Это значит, если мой проект прогорит, дом вместе с землёй могут забрать в счёт уплаты долгов, — безжалостно пояснил Громов. — И ты останешься один на один с новым собственником. Без гарантий, без защиты. А «Фонд», я полагаю, успешно самоупряднится.

Он выдержал паузу и добавил с насмешкой:

— Разве что новым хозяином окажется чудак с тягой к перезаключению причудливых старинных договоров. Но и тут я бы поостерегся. От таких эксцентриков вообще неизвестно, чего ожидать.

Вот такого удара я никак не могла предвидеть.

Поэтому растерянно переводила взгляд с одного юриста на другого, избегая смотреть на Громова. Мы никогда с хозяйским сыном и моим невольным соседом особо не ладили. А уж сейчас и подавно. Как-то так вышло, что оказались в одной тонущей лодке, и никого из нас это не радовало.

— Но... если вы меня сюда позвали... это значит, у вас имеются какие-то соображения?..

Юристы все как по команде скосили глаза на того, кто платил им за их неоценимую помощь.

Мне почему-то сразу стало не по себе.

Может, я действительно, конечно, не знала, чего ожидать от новых хозяев владений Громовых, зато сейчас со всей отчётливостью понимала, что от нынешнего хозяина ждать ничего хорошего точно не придётся.

А когда он заговорил, я в этом убедилась.

— Есть один вариант, — нехотя отозвался Громов. Видимо, ему самому этот вариант совершенно не нравился. — После длительных консультаций... короче, у меня есть далеко не призрачный шанс поправить своё финансовое положение в относительно короткие сроки. Но для того, чтобы возродить почти заглухшее производство по соседству, мне нужен доступ к участку земли на территории Митиных.

Ах вот зачем я здесь... Но неужели его консультанты-юристы забыли об одном очень важном нюансе?

— Боюсь, я вам помочь не смогу.

Громов приподнял соболиную бровь.

— Я же... у меня нет права передавать эту землю, — поспешила я пояснить. — По условиям договора, это возможно...

И тут я осеклась, наконец, сообразив. Громов понял, что я догадалась, потому что на его губы снова выползла кривая

усмешка.

— Притворимся, что мои юристы не слышат, — буднично начал он. — Притворимся, что я с ними этого не обсуждал. Брак будет, конечно, фиктивным. Всего несколько месяцев. Я законно получу доступ к нужному участку земли, проложу необходимые коммуникации, налажу производство, и мы оба станемся в выигрыше. Потом разведёмся и разбежимся. От тебя, Митина, не требуется вообще ничего, кроме «согласна».

Я уселась за стол, вспоминая тот престраннейший день и не реагируя на подначку своего теперь уже мужа. Мужа на несколько месяцев.

Должно быть, тогда я до чёртиков, до безумия испугалась перспективы остаться на улице из-за чужих долгов и безответственности, раз согласилась на это.

Разве человек в своём уме на подобное смог бы решиться?..

— Надеюсь, теперь тебе полегчало, — я подвинула к себе тарелку с бутербродами, втайне порадовавшись, что не придётся собирать завтрак самой. Были в моём безумном положении и неоспоримые плюсы.

Но были и минусы — необходимость завтракать в компании мужа.

— Мне полегчает, когда всё закончится и мы разведёмся, — Громов подхватил со стола здоровенный френч-пресс и

плеснул себе кофе. — Ну а теперь, Митина, давай, наконец, предметно обсудим условия нашего охренеть какого счастливого брака.

Глава 7

— И к чему этот дурацкий, совершенно неуместный сарказм?

— О чём ты?

— *Охренеть какого счастливого брака*, — передразнила я его интонацию. — Говоришь так, будто это я тебя в эту дикую кабалу потащила.

Громов моментально потемнел лицом:

— Это не ощущалось бы такой кабалой, если бы ты вела себя поадекватней.

— Поадекватней? — вытаращилась на него я. — Ты за своей бы адекватностью лучше следил!

— Надеюсь, ты пояснишь, — с раздражающей бесстрастностью бросил Громов, отхлёбывая кофе из своей кружки.

— А что тут объяснять? Твои непомерные аппетиты весь разум тебе застят.

Тёмные глаза опасно сверкнули.

— Митина...

— Что, Митина? — меня было уже не остановить. — Это же надо, как у тебя между ног всё судорогой свело, что ты не смог потерпеть и устроил себе первую брачную ночь, притащив в дом одну из своих девок! А если кто-нибудь из «Фонда» прислугу надумает опросить?

Густые чёрные брови сошлись на переносице.

— Им что, заняться больше нечем — сплетни собирать?

— Представь себе! — я в сердцах шваркнула ложкой о тарелку, даже не притронувшись к своей исходившей паром овсяной каше. — Это их работа! Прямая обязанность! Они должны быть уверены, что мы не водим их за нос. Как будто наша свадьба и без того мало выглядит подозрительной!

— Слушай, с чего бы ей выглядеть подозрительной? — Громов раздражённо запустил пятерную в свою тёмную гриву. — Мы с детства знакомы. Дома через сад!

— Ну да, — хмыкнула я. — После школы ты укатил в Англию, в свой универ, а потом бизнесом занялся и вообще тут почти не появлялся. Потом вдруг нагрянул — трамс-бамс! — и через месяц женился на нищей садовнице из коттеджа. Конечно же, ничего, совсем ничего подозрительного!

Мои слова прозвучали неожиданно горько.

— И без того ведь понятно, что если бы не... ну... не трагедия, ты бы, может, и не вернулся. Но ты вернулся. Потом узнал про долги. Потом решил возродить местное производство, на которое все давно рукой махнули. А тут и невеста со стратегически важным участком земли подвернулась. Такая вот счастливая случайность. Нет, серьёзно, ничегошеньки подозрительного.

Громов поморщился.

— На торжестве левых гостей не было. Даже если кто-то что-то мог заподозрить...

— Да при чём тут торжество? Проверка может нагрянуть

и через месяц. Но никто не запретит им опросить всех, кто работает в твоём доме.

— На этаже никого не было. Я из дома в день свадьбы всех выгнал, — Громов взирал на меня с ощутимой прохладцей. — Митина, ты совсем за идиота меня держишь? Никто Илону не видел, ясно? Проехали.

Илону. Имечко-то какое...

— Илону, может, и не видел, — не удержалась я от ехидцы. — А как быть с какой-нибудь Анжеликой, Снежаной, Эльвирой, которую ты следующей в свою постель потащишь?

Громов молчал, хотя тонкие ноздри хищно раздулись, демонстрируя степень его неподдельного раздражения.

— Можешь вынести их за скобки, — проскрежетал он. — Все свои удовольствия я оставляю за пределами дома, чтобы не подпитывать твою паранойю.

Тёмный взгляд катком прошёлся по мне до самой макушки.

— Ну как? Теперь полегчало?

Я проигнорировала его издёвку и принялась за свою щедро сдобренную маслом и фруктами кашу.

Посчитаем это победой, пусть и мизерной. По крайней мере, мне не придётся сталкиваться под одной крышей с его пёстрым гаремом. Засвербит в одном месте — путь развлекается, но подальше от моих глаз и ушей.

— Но я от тебя подобных жертв требовать не намерен, —

крепкие белые зубы вгрызлись в поджаристый тост, и на мой немой вопрос Громов ответил, лишь когда дожевал его до конца. — Можешь ни в чём себе не отказывать. Развлекайся с кем хочешь и когда хочешь. Цени мою уступчивость, Митина.

— До пошёл ты, — шепнула я и вернулась к своей каше. Видимо, переговоры мы умели вести только в присутствии адвокатов.

Очень уместное наблюдение — подозреваю, следующей попыткой заговорить о делах как раз и будет обсуждение нашего неминуемого развода.

Хотя что там вообще обсуждать?

Разве что сроки. И я уже готова была обводить числа в календаре.

Только бы поскорее этот адский цирк завершился.

После завтрака мы холодно распрощались, и я вернулась в свой коттедж забрать кое-какие вещи, которые понадобятся мне в учёбе.

— Что, не выдержала вчера? — Уля деловито сновала от кухонного стола к печке, готовя себе нехитрый обед. — Но ты не переживай. Я тут за всем присмотрю. И за рыбками. И за цветами. Ну и Громов-то навещать тебе сюда не запрещал, я надеюсь?

Перебирая папки с бумагами, я мотнула головой, с досадой осознавая, что тут он повода для ненависти мне не предоставил.

— Нет, но... всё равно не хочется тебя одну оставлять.

— Ну, пришли мне из дома парочку слуг, — хихикнула Уля, взмахнув кухонной лопаточкой. — Я буду не против.

— Посмотрю, что можно сделать, — усмехнулась я.

Сестра вздохнула:

— А вообще... печально, конечно, что после стольких лет вы до сих пор как кошка с собакой.

— Да ничего тут печального нет, — нахмурилась я.

— Ну не знаю, — Уля вернулась к сковородке. — Вы вчера так здорово вместе смотрелись... И Громов, конечно... эх, мечта, а не мужчина...

Я так и застыла с папкой в руках, забыв, что вообще делала:

— Уля...

— Что? — хмыкнула она, и по тону было совершенно понятно, что сестра совсем не раскаивалась. — Ну скажи ещё, что я не права.

— Да ничего я... ничего я говорить не собираюсь.

— И правильно, — сестра потянулась к полочке со специями. — Потому что и нечего будет сказать. Уж во всяком случае не той, кто в него ещё в школе по уши втрескался.

Глава 8

— Постарайся в моё отсутствие ничего здесь не натворить, — он поправил запонку и сунул телефон в карман брюк.

Митина, объявившаяся на пороге с очередной партией своих пожитков, бросила на него неприязненный взгляд.

— Тебе нравится, что ли, самой эти ящики туда-сюда таскать? — он смотрел на неё в отражении здорового зеркала, занимавшего почти половину стены парадной. — Поручила бы кому-нибудь. Или это в качестве полезной активности после завтрака?

На разрозовевшемся от свежего воздуха лице появилась гримаска:

— Тебе-то какая разница?

— Что значит, какая? — приподнял он брови, затягивая потуже идеально повязанный галстук. — Ты же вроде как супруга моя. Я разве не должен...

— Не должен, — обрубил она, шагая к парадной лестнице. — Никакой ты мне не супруг. Фикция. Хватит разыгрывать этот цирк. Прибереги его для прислуги и для гостей из «Фонда».

Он продолжал следить в зеркало, как она сердито топала наверх со своей картонной коробкой в руках. Злая, всклокоченная, но спина прямая, будто штык проглотила.

Ну и жизнь его ждёт в ближайшие месяцы...

Ярослав отвёл взгляд от лестницы, заглянул в глаза своему двойнику из зазеркалья, пообещав:

— В день развода напьюсь. В слюни.

Потому что это событие будет достойно того, чтобы как следует его отпраздновать.

Его и ещё окончание основных работ по проекту. Собственно, эти два события тесно и неразрывно друг с другом связаны — успешно налаженное производство подарит ему долгожданный развод.

Долгожданный...

Ярослав запахнул полу пиджака и пошагал к выходу. Ещё и суток не женат, а уже мечтает о том самом дне, когда разведётся.

Недаром мать как-то ему напороочила, что счастья в семейной жизни он не отыщет. Вероятно, оказалась права. Не в такой семейной жизни — это уж точно.

Взаимные упрёки и оскорбления, взаимная неприязнь двадцатилетней выдержки, взаимное нежелание уступать в этом странном союзе — вот и всё, что их объединяло.

— Как ты вообще на эту аферу сподобился согласиться? — заглянувший к нему в офис Егоров расположился в одном из кресел конференц-залы.

Игорь был его давним другом и нынешним бизнес-партнёром. Если бы не он, Ярослав, пожалуй, и не замахнулся бы

на свой грандиозный план по восстановлению производства. Думал бы, как поправить финансовое положение иными способами. Но Игорь охотно и оперативно подставил плечо — теперь вступали в активную фазу планирование и запуск.

— Объяснил же, — Ярослав отложил пачку просмотренных бумаг и взялся за следующую. — Это единственный выход получить доступ к участку, через который проложим коммуникацию.

— Ну погоди, а без женитьбы договориться разве нельзя было? — в синих глазах друга вспыхнули смешливые искорки. — Или это она тебе такое условие поставила? Захотела тебя заарканить.

Мысли, более оторванной от реальности, и не придумаешь. Ярослав хмыкнул и покачал головой.

— Ирония в том, что мы с детства друг друга плохо выносим. Не сошлись, знаешь ли, характерами. И нет, всё куда прозаичнее. По договору у неё нет права сдавать эту землю в аренду или под чьи-либо нужды. Но если речь, к примеру, о муже...

Игорь кивнул, давая знать, что понял.

— И что-нибудь подсуетить, как-то обойти это правило не получится. Фонд, о котором я тебе рассказывал, зорко следит за условиями соблюдения договора. Это его прямая обязанность.

— Надо же, какие суровые хранители, — присвистнул Егоров.

— Ну, это в их интересах. Фонд существует, пока существует заведённый порядок. Спасибо нашим удивительным предкам, решившим всё это замутить.

— А ты через юристов своих пытался как-нибудь...

Ярослав поднял на него взгляд:

— Егоров, серьёзно? Думаешь, это было не первой моей осознанной мыслью?

Друг покачал головой:

— Ладно, что уж теперь. Главное, пусть и в обход, но нам удалось получить доступ к стратегически важному участку. Надеюсь, ваш будущий развод никак на проекте не скажется...

Ярослав качнул головой:

— Нет, тут Макаров с партнёрами как раз и отыскиали лазейку. Условия договора на случай расторжения брака прописаны очень туманно. Фонд пободаётся и отступит — им нечем будет крыть наши карты. Разведусь безо всяких проблем, и коммуникации наши не тронут.

Митина тоже пообещала, что предъявлять претензий не станет. Ей, как и ему, важнее всего было скорее со всем этим покончить и получить желаемое — развод.

Хоть что-то у них было общим.

А вообще ему несложно было представить, как Заноза крадётся со своим садовым инвентарём под покровом ночи к пролегающему по её драгоценному участку кабелю и примеривается, как бы его перекусить. Такая и зубами переку-

сит, не поморщится.

Но мысль эта в равной мере раздосадовала его и повеселила. Повеселила, потому что картина рисовалась забавная. Раздосадовала, потому что в другой жизни они с Митиной вполне могли бы оказаться друзьями детства, невзирая на слишком разный социальный статус и совершенно разную жизнь.

Жаль, наверное.

Но эту неприятность он как-нибудь переживёт.

Впрочем, его уверенность в последнем странным образом пошатнулась, когда он вернулся домой после длинного рабочего дня, состоявшего сплошь из планирования и консультаций.

Почти завершившееся лето, чьи по-осеннему прохладные сумерки навевали непонятную тоску, догорало малиновым закатом на горизонте, и двухэтажный особняк Громовых, утопавший в пока ещё густой парковой зелени, выглядел почти необитаемым.

Ярослав по дороге наверх заглянул на кухню и распорядился об ужине.

— Хорошо, Ярослав Дмитриевич, скоро всё будет, — отвечавшая за домашний штат Ольга Валерьевна, опекавшая его после смерти родителей будто собственного сына, улыбнулась. — Наконец-то и Алина Сергеевна сядет за стол. Целый день ведь не ела.

Последняя фраза остановила его на пороге.

Это что, как-то демарш? Она объявила голодовку за то, что он приказал ей вернуться в дом?

— Это ещё что за новости?

Ольга Валерьевна пожала пухлыми плечами:

— Говорит, что ей некогда. Говорит, учёба важнее.

Глава 9

По уши втрескалась. Вот ещё!

Ульяна, конечно, очень сильно преувеличивала.

Ярослав Громов был сыном богатых родителей, жившим в своём роскошном особняке через сад от нашего скромного уголка. Митины были странным, из ряда вон выходящим и, возможно, даже досадным исключением из всех возможных правил. Потомки первого садовника Громовых жили здесь исключительно по причине того самого договора, из-за которого я теперь и оказалась в этой идиотской ситуации.

И, конечно, я не могла игнорировать его присутствие в моей жизни. Но мы с Громовым никогда не дружили. Он брезговал водиться со мной. К родителям моим, когда они были живы, относился с тем уважением, с которым любой адекватный, воспитанный подросток относится к взрослым, но не более.

Со мной... Мне он дал кличку Заноза, дразнил и подначивал. Ну а в старших классах и вовсе перестал замечать. Зато его не замечать было практически невозможно. Громов рос, как бы это сказать... будто и родился-то на этот свет по одной веской причине — разбивать девичьи сердца. И делал он это, если верить слухам, с завидной регулярностью.

Мы жили в странных параллельных реальностях — соседи, но будто с разных планет.

И скажи мне тогда кто-нибудь, что вот с этим самым соседом я в итоге буду стоять под венцом, да ещё и по такому странному поводу...

— Ты объявила голодовку?

Я вздрогнула, ручка вывалилась из моей ослабевшей руки и покатилась по полу. Объект моих мыслей стоял на пороге гостиной, где я вот уже который час корпела над усеивавшими медовый паркет учебными материалами.

Я только сейчас ощутила, как затекла моя поясница.

— Ты о чём?

Громов ослабил галстук и привалился плечом к дверному проёму, с усмешкой рассматривая мой фронт работ.

— Моя экономка переживает, что ты не ешь ни черта. Вот я и пытаюсь выяснить, это демарш или просто забывчивость.

З — заботливый.

Я потянулась к валявшемуся на кресле у меня за спиной телефону и ткнула в экран. Мамочки! Да я несколько часов к ряду головы не поднимала.

— Ага, — ответил Громов, отметив мой ошарашенный вид. — Ольга Валерьевна ожидает, что мы вместе отужинаем. Ну, знаешь, как принято у нормальных семейных пар.

Я невольно поморщилась от напоминания.

— А что, на порядочность Ольги Валерьевны рассчитывать не приходится?

Он выгнул бровь, мол, ты о чём?

— Она на нас наступит, если вдруг заподозрит, что мы не

совсем адекватная семейная пара?

— Ты сама у неё спроси, — бросил Громов и отлепился от дверного проёма. — Я спущусь в столовую через полчаса. Ты... смотри сама. Тащить на аркане я тебя не собираюсь. Хочешь голодать — голодай. Менять ради тебя свой распорядок и привычки я не собираюсь.

— Да уж, ты дал мне это понять ещё вчера ночью, — пробормотала я ему в спину.

Но мой желудок напоминание о еде активно приветствовал, громко заурчав и отозвавшись сосущим ощущением зверского голода.

Я бросила тоскливый взгляд на книги и распечатки, вздохнула и осторожно поднялась на ноги.

Природе бессмысленно сопротивляться.

Жаль только, раньше мне эта светлая мысль не пришла в голову — теперь, как и во время завтрака, за столом придётся терпеть компанию «дорогого» супруга.

— А что за документация? — прервал он молчание, которым я вовсю пользовалась, сметая с тарелки всё, что успела туда поместить.

Отложив вилку, которой энергично орудовала, я потянулась за стаканом воды.

— Учёба.

— Ты что, Митина, в универ решила вернуться? Так вступительная кампания давным-давно завершилась.

Я проигнорировала насмешку в его голосе.

— Твоя ирония тут совершенно не к месту. При одном из универов объявили срочный набор на заочные курсы.

— И куда ты намылилась?

— Ландшафтный дизайн, — я уставилась на него, будто вызывала на бой.

Ну давай, Громов, ещё над этим посмейся.

— А что ты там забыла? — спрашивал он совершенно серьёзно. — Думаешь, я найму тебя наш парк перепланировать?

— Больно нужно, — я снова взялась за вилку. — Я займусь своим закутком. Получу знания, необходимые для того, чтобы реорганизовать свой участок сада и привести его в порядок. Ещё какие-нибудь вопросы?

Громов на мои слова хмыкнул, но юродствовать больше не стал.

Но наверняка вернул бы ещё что-нибудь обидное, если бы его телефон, выложенный на край стола, не завибрировал.

Я воспользовалась возможностью и вернулась к прерванному ужину. Быстрее наемся, быстрее отсюда сбегу.

— Твою... — раздосадованный голос Громова заставил меня на время отвлечься от своих насущных планов.

Я невольно скосила глаза на его телефон.

— Что-то стряслось?

— Стряслось, — Громов какое-то время смотрел в телефон, прежде чем снизить до пояснения. — Готовься, доро-

гая. К нам едет ревизор.

— Ревизор... что?

Громов поднял на меня потяжелевший взгляд:

— Меня уведомили, что на днях счастливых молодожёнов Громовых посетит наблюдатель из «Фонда Наследия».

Ох...

Не сводя с меня взгляда, Громов отложил телефон и добавил:

— Готовься, Митина, разыгрывать роль преданной и любящей жены.

Глава 10

— Добрый день. Алексей Вячеславович Лисицын, представитель «Фонда Наследия Громовых-Митиных». Но, думаю, вас о моём визите уже оповестили.

Ярослав пожал протянутую ему бледную руку. Алексей Вячеславович отличался такой исключительной худощавостью, что скорее походил на эмиссара бюро ритуальных услуг. Но это наблюдение Яр благоразумно оставил при себе.

Митина, на пару месяцев обратившаяся в Громову, бросала на их незваного гостя опасливые взгляды, но старалась делать вид, что всё в порядке.

Это в её же интересах — не начудить ничего, пока они строят из себя счастливых молодожёнов.

— Проходите. Мы с женой только о вас вспоминали, — Ярослав перехватил её рассерженный взгляд и подавил идиотское желание показать ей язык. Вот уж праведница. Ни к чему не обязывающая ложь, очевидно, приносила ей едва ли не физические страдания.

— Надеюсь, сильно меня не ругали, — Лисицын поправил свой траурный чёрный костюм и прошёл в гостиную.

Ярослав опустился на диван и похлопал по месту рядом с собой. Митина чопорно поджала губы, но блюдя конспирацию, послушно опустилась с ним рядом. Он с готовностью обвил рукой её талию и почувствовал, как напряглись

её мышцы.

Он тоже неожиданно, совершенно не к месту напрягся.

Надо же, талия-то осиная...

— Понимаю, что особенно приятным этот визит не назовёшь, — на костлявом лице Лисицына играла вежливая улыбка. — Но таковы правила. Тем более, сами понимаете, случай нетривиальный.

— Верно, — Ярослав постарался отвлечься от своего внезапного открытия, сохранив невозмутимый вид и лишь крепче сжав пальцы, когда супруга попыталась высвободиться из его хватки. — Обычно у Громовых нет привычки жениться на Митиных. Скажите, Алексей Вячеславович, это ведь первый случай на памяти «Фонда»?

Лисицын кивнул.

— Представляешь, цветочек? — он повернулся к жене и растянул губы в дразнящей улыбке. — Мы с тобой первоходцы.

Девчонка округлила глаза, но вынуждена была, конечно, подыгрывать. Улыбнулась Лисицыну с пугающе искренним смущением.

— Надо же... Мы с... мы с Яриком об этом как-то и не думали.

Она старалась на него не смотреть. И очень зря. Тогда Заноза очень быстро сообразила бы, что за «Ярика» её ждёт суровое наказание. Он терпеть не мог, когда его имя так сокращали. Будто в детский сад вернули.

Взрослых, состоявшихся мужиков Яриками не называют.

— Полагаю, если бы кто-нибудь из ваших предков решил вступить в матримониальный союз, вы бы уже считались родственниками.

Девчонка снова округлила глаза и едва слышно хихикнула, всячески строя из себя пушистого, не от мира сего одуванчика.

Но пока сложно было сказать, купился ли человек из «Фонда» на её наигранную непринуждённость.

Однако же с этих пор разговор потёк относительно плавно и без особенных странностей. Они оба старались отвечать, особо не вдаваясь в детали, чтобы ненароком не влезть в какие-нибудь дебри и не навредить общему делу одной очевидной проблемой — они ни черта друг о друге не знали, кроме полустёршихся воспоминаний из детства.

Восполнить критически важные пробелы мешала взаимная неприязнь. Стоило сделать неверный шаг влево в разговоре с Лисицыным — и они за своё неумение договориться друг с другом неслабо поплатятся.

Эту промашку придётся всё-таки исправлять.

Потому что человек из «Фонда» не производил впечатления доверчивого простофили. Надо полагать, никого подобного им бы и не прислали. Не блуди организация свои интересы и нанимая в свой штат кого попало, давным-давно развалилась бы.

И Ярослав в этом лишний раз убедился, когда к концу их

знакомства Лисицын решил напомнить им о серьёзности мероприятия.

— Надеюсь, моё присутствие сильно вас не стеснит.

— Прошу прощения? — Ярослав рефлексивно прижал к себе не сопротивляющуюся Митину. Кажется, она тоже пришла в смятение от последней фразы.

— О, — на лице Лисицына отобразилось как будто бы искреннее смущение. — Неужели в «Фонде» вам не объяснили? Что ж... я не смогу сделать никакого удобоваримого заключения, просто поздоровавшись с вами. Какое-то время мы проведём вместе, и по итогу своих наблюдений я вынесу заключение.

Твою-то...

— Не переживайте, — узкие губы Алексея Вячеславовича дрогнули. — Нарушать ваших личных границ я, конечно, не буду. Мы всё же не варвары. Мне будет достаточно наших периодических с вами бесед и моих личных наблюдений. На комнате в доме я не настаиваю. Могу остановиться в одном из гостевых домов по дороге в поместье.

Ярослав мотнул головой:

— Ну что вы, Алексей Вячеславович. Оставайтесь у нас. Комнату вам обязательно выделяют. Мы с супругой всегда рады гостям. Верно, цветочек?

Митина повернулась к нему. Её лицо основательно побледнело, но держалась она молодцом.

— Само собой, — пробормотала она, спохватилась и, рас-

тянув губы в улыбке, заверила. — Мы... мы с удовольствием. Оставайтесь столько, сколько положено.

— Вот и славно, — Лисицын кивнул, явно довольный тем, как завершился первый раунд переговоров. — Тогда я введу себя вашему гостеприимству и обещаю следовать правилам дома.

Правилам...

Его жизнь стремительно усложнялась.

Кажется, правил в его доме с этого дня основательно прибавится... И самое скверное то, что обсуждать эти правила придётся с самой хреновой по договороспособности стороной во всей его бизнес-практике!

— Стоять, — он придержал супругу за талию, не дав убежать, стоило Лисицыну в сопровождении горничной отправиться в отведённые ему комнаты наверху. — Не так быстро. Нам нужно поговорить.

Глава 11

— Стоять, — он придержал её за талию, наблюдая, как Лисицын в сопровождении горничной отправился в отведённые ему комнаты наверху. — Не так быстро. Нам нужно поговорить.

Они застыли у выхода из большой гостиной, и Митина явно нервничала от того, что он так по-хозяйски прижимал её к себе.

Вообще-то он и не собирался, но девчонка наверняка сбегала бы, не сработай он на опережение.

Она застыла на месте, невольно провожая взглядом прямую спину их гостя. Напряжена как струна, даже пока не отыскивала слов, чтобы возмутиться его поведением.

— Митина, приём, — он воспользовался возможностью и не без удовольствия крепче сжал пальцы на её талии. — Хватит его гипнотизировать. Никуда он теперь отсюда не денется.

— Как оперативно они сработали, — пробормотала она и наконец перевела на него взгляд. — И недели ещё не прошло, как человека прислали...

— Ты ведь раньше с ними дел, кажется, не имела.

Она покачала головой.

— Не приходилось. Не было необходимости.

Ярослав прошёлся по ней взглядом, кивнул.

— Ну, теперь-то ты поняла, что это не пустая страшилка. «Фонд» от нас не отцепится, пока не удостоверится, что мы не пытаемся их надуть.

— Но мы ведь пытаемся, — она опустила взгляд и, кажется, только сейчас наконец сообразила, что они так и стоят едва не обнявшись.

Отстранилась.

Ярослав нехотя убрал руку. Кашлянул.

— Слушай, я понимаю, что мы друг друга на дух не переносим, но так уж вышло, что сейчас у нас с тобой общая цель.

— Представь себе, я это сообразила ещё когда дала согласие на эту клоунату под названием «брак», — она нахмурилась и посмотрела куда-то в сторону. — Просто... я как-то не рассчитывала, что проверка будет настолько тщательной. Мы у него теперь как на ладони.

— Можно подумать, меня это радует, — проворчал Ярослав, почесав заросшую щеку. — Но я, знаешь ли, не виноват, что наши предки нам такую свинью подложили с этим идиотским договором. Печально, что никто из их потомков не озаботился как-то упразднить всю эту катавасию.

— Поздравляю, — кисло отозвалась жена. — Ты вполне можешь войти в фамильную историю, сделав это сам. Если, конечно, тебе хватит соображалки, как избавиться от этих надзирателей.

Это она на что намекала? Если уж они вляпались в такую

историю, значит, мозгов обойти последствия этого договора ему не хватило?

— Пока не придумал, как улаживать юридические вопросы с давно почившими поколениями мастеров заключать эксцентричные договоры, которые потомкам ничего, кроме головняка, не принесут.

— За своих говори, — поморщилась девчонка. — Мой предок всё сделал правильно. Если бы не договор, Митиным место в элитных угодьях никогда не светило бы.

— Так это единственное, что по-настоящему тебя утешает? — он выразительно приподнял бровь.

— По-настоящему меня утешает мысль, что долго мои мучения не продлятся, — припечатала Митина, скрестив на груди руки.

— В этом мы с тобой очень похожи, — он скопировал её жест и вернулся к насущному. — Короче. Ведём себя максимально естественно.

— Легко сказать.

Он прищурился:

— Митина, хочешь получить свой развод и при этом не потерять крышу над головой, придётся всё-таки поднапрячься.

Она метнула на него рассерженный взгляд:

— А ты вообще в курсе, что тебе тоже не помешало бы?

— А я, по-твоему, чем сейчас занимаюсь?

Голубые глаза распахнулись до невозможного широко:

— Ты издеваешься? Мы вот только недавно об этом с тобой говорили!

— Мы много о чём говорили.

Митина обвиняюще ткнула в него пальцем:

— Бросай дурачка из себя строить, Громов. И меня поучать тоже бросай. Буду вести себя соответственно, если и ты возьмёшь на себя труд хоть немного уважать меня и моё решение ввязаться в эту чёртову авантюру.

Девчонка по-настоящему злилась. Он вспомнил сверкающий голубой взгляд и бледное лицо в тот вечер после свадьбы, когда они ссорились в коридоре.

Он знал, в чём она собиралась его упрекнуть.

— Под уважением ты понимаешь...

— Под уважением я понимаю твою часть ответственности, — её тон посуровел. — Прекращай... блудить!

Слово-то какое выбрала.

Ярослав невозмутимо встретил её горевший взгляд.

— А какой выход из ситуации ты, Митина, мне предлагаешь?

Она, конечно, не ожидала такого вопроса. Захлопала ресницами.

— То есть... что значит, какой?

— Ну как ты мне всё это время предлагаешь справляться со своими... м-м-м... естественными желаниями и потребностями?

Её лицо скривилось, будто она услышала нечто почти

непристойное. Господи, ну что за монашка?..

Надо бы её как следует расшевелить.

— Или... — он выдержал паузу, — это таким завуалированным способом ты предлагаешь мне скрепить наш брачный союз?

Девчонка вздрогнула и уставилась на него, как на умалишённого:

— Ты... совсем сдурел, Громов?

— С чего бы? — он демонстративно прошёлся взглядом по её фигуре. — Слушай, Митина, не тебе привередничать. Зато хотя бы будет что вспомнить после развода.

— Пошёл ты к чёрту! — она вылетела из гостиной, словно ошпаренная.

А он почему-то залип на секунду на этой шуточной мысли.

Променял бы он свои обычные городские интрижки на что-нибудь более... постоянное?

Ярослав обернулся вслед убегавшей от него законной жены.

Не с нею, конечно. На что ему вообще сдалась эта заноза?

Ярослав качнул головой. Ну и мысли у него в последнее время: бизнес наладить, семейное дело восстановить, остепениться...

— Старею, — хмыкнул он и пошагал прочь из гостиной.

Но почему-то мысли о предстоявшем вынужденном спектакле перед Лисицыным не вызывали у него ни тоски, ни

раздражения.

Тогда он, конечно, ещё не мог предугадать, какое открытие нёс за собой визит представителя «Фонда».

Глава 12

— Здесь удивительная атмосфера, — лицо Алексея Вячеславовича, казалось, совершенно не предназначенное для выражения положительных эмоций, отражало всю благодетельность, на которую только было способно.

Я проглотила кусок горячей яичницы и улыбнулась гостю, молчаливо соглашаясь с его неожиданной репликой.

Громов, хмуро и энергично поглощавший свой завтрак, с подозрением покосился на Лисицына. Он то и время поглядывал на свои массивные наручные часы — очевидно, спешил поскорее смыться из-за стола под благовидным предлогом, мол, опаздываю в офис.

Что до атмосферы, то в особняке она и впрямь царила удивительная — все затаились, не понимая, чего ждать от представителя «Фонда Наследия».

— Зимой здесь тоже очень красиво, — подала голос я, чтобы хоть как-то поддержать разговор, потому что Громов упрямо молчал. — Когда погода, конечно, по-настоящему зимняя.

— Приглашаете? — иронично приподнял бровь Лисицын, а супруг едва не убил меня взглядом.

Ей-богу, хоть вообще рот не раскрывай...

Я прочистила горло:

— Ну... если у вас... если вы вдруг захотите...

— Я шутил, Алина Сергеевна, — успокоил меня Лисицын. — Но всё равно спасибо за гостеприимство. Я бы очень был вам признателен, чтобы вы не смотрели на меня как исключительно на человека-инспектора. Я понимаю, что это сложно, и всё-таки... Я всего лишь выполняю возложенные на меня задачи. Но чисто по-человечески рад за вас и в целом горжусь тем, что участвую, можно сказать, при историческом для обеих семей событии.

Ох... Мне становилось откровенно не по себе. Вот уж никогда бы не подумала, что нашему браку начнут придавать столько значения. Ведь расчёт был как раз на то, что всё пройдёт тихо и без лишней шумихи. И её удалось избежать, не всполошив таблоиды и светскую прессу, хотя представить не могу, чего это Громову стоило.

Зато представители «Фонда», как оказалось, планировали исследовать наш брак под микроскопом.

К такому я не готовилась, а от одной мысли о возраставшем шансе провала нашей дикой аферы меня начинало едва ли не лихорадить.

Память жестоко напомнила, что именно напоминало мне это нервное состояние. Так я себя ощущала, когда за мной долгое время тенью таскался один местный чудик — Толик Плотников, вообразивший, что я любовь всей его жизни. Общение с ним неизменно ввергало меня в очень похожее состояние — от него почему-то веяло опасностью.

Вот и Лисицын этот... непонятно, чего от него ждать.

— Не думаю, что мы могли бы каким-то образом избежать встречи с вашей конторой, даже если бы вдруг захотели, — подал голос Громов, проигнорировав мой предостерегающий взгляд. — Как гостя мы всегда рады принять вас в нашем доме. Как инспектора... уж вы извините.

— Ярослав... — вырвалось у меня, хоть мне и непривычно было называть его по имени.

Громов откровенно бесился, пусть и пытался это скрывать. Потому что Лисицын не стал долго расшаркиваться. Едва заселился и уже вечером того же дня приступил к своим прямым обязанностям — бродил по особняку и беседовал с прислугой.

— Нет-нет, — бескровные губы Лисицына подпрыгнули в лёгкой улыбке. — Алина Сергеевна, ваш муж прав. Я понимаю, сколько неловкости вы испытываете из-за этих формальностей. Но и меня поймите — я человек подневольный, выполняю предписанное.

— Сочувствую, — Громов вернулся к своему завтраку. Я рассерженно отпилила ребром вилки новый кусок яичницы.

В конце-то концов, можно же помягче на всё реагировать. Неужели так опечален перспективой прекратить свои амурные похождения?

Вот уж где траур. Вот уж где страдания! Придётся отказаться от своего привычного образа жизни и прекратить потакать своим слабостям и неуёмным желаниям. Ужас, да и

только!

Зачем-то совершенно не к месту вспомнилась эта его пышногрудая, бессовестно кувыркавшаяся с ним в постели в его первую брачную ночь.

Я с досадой осознала, что этот факт до сих пор выбивал меня из равновесия.

К счастью, мне не позволили слишком глубоко погрузиться в царапавшие меня воспоминания — Лисицын, к слову, совершенно не обескураженный сумрачным настроением хозяина дома, с благодарностью принял от прислуги кружку горячего кофе и как бы между прочим заметил:

— Вчера мы с вами об этом не говорили, потому что не хотелось нагружать вас деталями прямо с порога. Но, представьте себе, ваш брак принёс нам неожиданные плоды.

Мы с Громовым невольно переглянулись — ни дать, ни взять насторожившиеся заговорщики.

— Плоды? — супруг отложил вилку и обратил всё внимание на Лисицына. — Какие ещё плоды?

— Неожиданные, — повторил тот, и я призадумалась, не издевается ли над нами этот странный во всех отношениях человек.

— Поделитесь?

Гость с преувеличенной аккуратностью отпил из кружки, не спеша делиться, и я заметила, как на виске у Громова набухла и запульсировала тонкая жилка — он начинал злиться.

— Новости о бракосочетании не могли не активизировать

работу «Фонда». Благодаря этому среди архивных документов семьи, никакого отношения к договору Громовых-Митиных не имевших, отыскиались кое-какие любопытные приписки. От 1907 года.

Лисицын будто смаковал свою осведомлённость, не торопясь добираться до сути.

— И меня обязали поставить в известность обе стороны, — гость поочерёдно взглянул на Громова, потом на меня. — Хотя я и не считаю, что подобное стоит озвучивать молодёжкам

В груди у меня нехорошо заглохло. Не нравилась мне такая подводка, совершенно не нравилась.

— Бумаги я вам, конечно же, покажу. Более того, они ещё не до конца прошли экспертизу. Но в их подлинности никто из сотрудников «Фонда» не сомневается.

— И? — кажется, Громов держался из последних сил, чтобы не схватить Лисицына и натурально не встряхнуть из него все ответы.

— Как я сказал, не слишком-то подходящая тема для молодёжков, но вы должны знать, что при разводе супруги разделят имущество поровну.

Громов окаменел. Я задержала дыхание.

Лисицын будто бы ничего не заметил. Вздыхнул как человек, выполнивший свой долг, и снова приложился к кружке с кофе.

— Но не думаю, что вас будет сильно заботить этот во-

прос. О каком разводе может идти речь, когда вы едва-едва свадьбу сыграли, верно?

Глава 13

— Это бред какой-то! Чушь. То ли он какого-то чёрта насочинял, то ли...

Альтернатива с ходу, как на зло, не придумалась.

— Ты хоть что-нибудь об этом знаешь? — Ярослав повернул голову к стоявшему у окна его домашнего кабинета Арбенину. Евгений Юрьевич вёл дела отца и консультировал его по разным вопросам вплоть до его гибели в прошлом году.

После оглашения завещания и улаживания всех формальностей Ярослав предложил ему оставить за собой эту должность. Арбенин был кладезем полезной информации и житейской мудрости. Он был бы совсем дураком, если бы отпустил такого помощника на пенсию.

— Первый раз слышу, — Евгений Юрьевич покачал седой головой. — Но и неудивительно. «Фонд» сам по себе. Они никого в свои дела без необходимости не посвящают. Только так им все эти годы и удавалось сохранить независимость.

— Это и то, что они кормятся с доходов Громовых, — проворчал Ярослав.

— Ну, это ещё вашими предками завещано, Ярослав Дмитриевич. Тут вы ничего не попишете. С другой стороны, не преуменьшайте их вклад в свою автономию — «Фонд» очень неплохо зарабатывает, оказывая консульта-

ционные услуги. Высококвалифицированных специалистов там, знаете ли, хватает. У них целые династии, если хотите знать, работают.

— То-то я смотрю, этот Лисицын держится так, будто сам голубых кровей, — Ярослав потёр переносицу и медленно выдохнул.

Толку корить себя за сегодняшнее утреннее открытие не было. Он никак не мог подготовиться к таким новостям.

До сего дня в «Фонде» божились, что никаких бумаг, никаких упоминаний на случай расторжения брака между семьями нет. Не было прецедентов!

Получается, не было до недавнего времени, а теперь эти канцелярские крысы что-то там накопили.

За завтраком Лисицын охотно поведал, что работники «Фонда» умудрились изъять на свет божий удивительную историю. Слишком уж, чёрт возьми, складную, чтобы с ходу в неё поверить.

Судя по архивным документам, в 1907-м молодой офицер Михаил Громов планировал свадьбу с юной Надеждой Митиной, старшей дочерью главного садовника Тимофея Митина. Даже необходимые бумаги успели, как выяснилось, подготовить и эти чёртовы приписки заверить. А вот брак — нет.

— Почему?

— Он погиб. При невыясненных обстоятельствах. По официальным данным, несчастный случай. Катание на паро-

ходе завершилось трагично, — Лисицын смотрел на него почти с сочувствием. — Ярослав Дмитриевич, в «Фонде» вам не раз предлагали полный открытый доступ к любым бумагам. Но никто ведь не заставит вас браться за изучение истории родословной, если она вам неинтересна.

Ярослав медленно выдохнул, отгоняя воспоминания.

Арбенин тихонько присвистнул:

— Лихо они вас этими новостями... кгм... извините. Вы когда планировали подавать на развод?

Он бросил взгляд на офисный календарь, потом — на лежащий перед ним планер с пометками.

— Месяца через три, не позже. Многое, конечно, зависит от того, какими темпами будут вестись работы на предприятии. Но прогнозы оптимистичные...

Арбенин отошёл от окна, открыл свой планшет:

— Я свяжусь с представителями «Фонда» и проясню этот вопрос. В первую очередь нам нужно увидеть бумаги, чтобы понять, с чем конкретно мы дело имеем.

Яр кивнул. Логично. Пока они опирались лишь на слова этого Лисицына.

— Ну и потом... Можно же поговорить с вашей, кгм, супругой. Вы вместе и добровольно пошли на эту сделку. Условия выхода из неё тоже давно обговорены. Уверен, вам удастся прийти к согласию. Вы ведь союзники, вы по одну сторону баррикад.

Ярослав вспомнил горящий ненавистью голубой взгляд.

Да уж, с такой-то союзницей и врагов не надо...

Она ему все мозги вынесет, прежде чем они хоть о чём-нибудь договорятся.

Колючее, ядовитое создание. Как от такого-то склочного характера в её саду вообще что-либо растёт?

Знал бы он, что к концу этого длинного, безумного дня неговорчивость Митиной станет его наименьшей проблемой...

Глава 14

— Ярослав Дмитриевич, если хотите, я ему в пропуске откажу...

— Пропусти, — Ярослав нажал кнопку селектора и откинулся на спинку кресла. — Плотников... что-то знакомое, но вспомнить не могу.

Арбенин уткнулся в свой планшет, но спустя полминуты медленно покачал головой:

— Н-нет, никого с такой фамилией не припомню. Во всяком случае, ваш отец ни с какими Плотниковыми близких знакомств не водил.

Внезапный гость представился на КПП перед въездом на территорию Громовых как некто, кого владелец должен был знать.

Плотников... Плотников... Нет, всё-таки ошмётки крайне смутных воспоминаний крутились в его голове, но в более или менее ясную картинку складываться не спешили.

Кажется, от переработки у него мозги начинали откровенно шалить и память уже подводила. Охренеть, Громов, в тридцать с небольшим тебе уже рукой подать до деменции.

Он внутренне усмехнулся такой перспективе.

Пожалуй, в этом есть свой извращённый плюс — отрубаясь от реальной жизни и переходяшь в стадию растения без лишних рефлексий и забот.

Н-да, а потом по твою душу явится какая-нибудь крова-
жадная садовница типа Митиной и надаёт своей тяпкой по
твоей отсохшей башке. И никакого тебе покоя.

Только ссоры, споры, склоки и бесконечные выяснения
отношений.

— Тут будете его принимать? — голос Арбенина вывел
его из раздумий.

Ярослав огляделся:

— Раз я этого Плотникова в упор не помню, вряд ли он
такой уж важный и дорогой моему сердцу гость, чтобы ради
него вниз спускаться. Приведут.

Пусть вспомнить неожиданного посетителя он и не мог,
что-то внутри шевелилось — неудобное, нехорошее. Шкурой
чуялось, не с приятными новостями этот Плотников к нему
заявился.

У него вообще в последнее время хоть одна хорошая но-
вость была?

То из «Фонда» Лисицыны всякие тут шныряют, то из на-
логовой дёргают, то проверки какие-нибудь...

И вообще, ему бы думать, что делать с новой шокирую-
щей информацией по разводу. И первым делом узнать, что
по этому поводу думает его фиктивная супружница.

Не исключено, что девчонка втайне потирает руки, пла-
нируя как следует повеселиться, когда настанет время де-
лить «совместно нажитое» за пару месяцев счастливого бра-
ка имущество.

— Ярослав Дмитриевич, я, пожалуй, пойду, — Арбенин захлопнул чехол своего планшета и протянул ему руку. — Вдруг это какой-нибудь личный разговор. Не буду мешать. Но если понадобится, зовите. Я до самого вечера сегодня в поместье — буду разбирать бумаги Дмитрия Игоревича.

Ярослав кивнул:

— Договорились. Если обнаружите что-нибудь по фамильному предприятию, обязательно сообщите.

Арбенин кивнул и вышел из кабинета, а спустя каких-то пятнадцать минут в дверь постучали, и заглянувший в его кабинет младший помощник доложил:

— К вам Анатолий Степанович Плотников.

Ярослав неспешно отложил бумаги, которые изучал.

В кабинет вошёл худощавый блондин с выпирающим кадыком и жидкими волосами. Но костюм на нём был добротный, и держался он очень уверенно.

Яр прищурился, и мозг прошило молнией.

Ё-моё, Плотников... *Тот самый* Плотников? Какого чёрта он тут забыл?

Посетитель вынужден был слегка запрокинуть голову, когда Ярослав поднялся из-за стола и протянул ему руку.

— Добрый день, Ярослав Дмитриевич. Вы меня, возможно, не по...

— Добрый день, — Яр не удержался и хмыкнул. — Только к чему такая формальность? Очень даже хорошо вас помню, Анатолий Степанович. Вы в наш сад с седьмого класса

украдкой лазили.

Охренеть, однако, как тесен мир. Толька Плотников — ухажёр Митиной, безответно влюблённый. Сын, кстати, очень даже состоятельных родителей, живших где-то тут по соседству. Если воспоминания из детства его не подводили, им в наследство от деда досталась расположенная неподалёку партийная дача или что-то вроде того.

Плотников в ответ скупое ему улыбнулся, очевидно, не слишком довольный, что его появление вызвало именно такое воспоминание. А какое оно ещё могло вызвать? Митина бегала от него, как от огня. Преследования стали местной притчей во языцех и веселили всех, включая местную прислугу.

И как он умудрился забыть этого юного воздыхателя, ведь сам же время от времени в школьные годы подначивал им Митину и дразнил.

— Да уж, — блондин едва заметно повёл шеей, будто сверхаккуратно повязанный галстук вдруг начал его душить, — некоторые воспоминания не представляется возможным потушить, чтобы никогда к ним не возвращаться.

Яр невольно смерил его взглядом.

Да ладно? Плотникова до сих пор беспокоила эта ерунда? И тут его осенило.

— А вы, Анатолий Степанович, точно ко мне в гости приехали? Может, вы с Митиной планировали повидаться?

Водянисто-серый взгляд мгновенно сфокусировался на

Ярославе, сделался откровенно холодным и цепким.

— Нет. Нет, я не с Алиной повидаться приехал. Она по-прежнему здесь живёт? Даже после смерти родителей?

— Здесь её дом, — пожал плечами Ярослав, поймав себя на мысли, что никогда и не предполагал, что Митина сподобится куда-нибудь вдруг уехать. — Её сад. Она оттуда не вылезает.

А ещё мы с ней поженились. Но это совсем другая история. И уж точно не с её прошлым воздыхателем Плотниковым её обсуждать.

— Надо же, — почти про себя проговорил его странный гость. — Я почему-то об этом и не подумал.

— Так вы точно не к ней? — Яр попытался вернуть его к сути вопроса.

— Нет, нет, — Плотников оторвался от каких-то своих размышлений и вновь поднял на него свой «рыбий» взгляд. — Я приехал к вам, Ярослав Дмитриевич. Обсудить процесс выплаты вашего долга.

Глава 15

— Долга?

Плотников растянул губы в улыбке, но сделал это с такой медлительностью, будто такой манёвр стоил ему определённых усилий.

— Долга, Ярослав Дмитриевич.

— Боюсь, я не совсем понимаю, о чём вы.

Странный, едва ли не благодостный настрой, с которым посетитель встретил его вопрос, заставил Яра ещё сильнее насторожиться.

— Удивительно. Разве ваш отец ничего вам не рассказал?

Почему-то именно сейчас воспоминание о родителях отдалось в груди особенно острой болью. А ведь ему казалось, он худо-бедно научился жить с этой громадной дырой внутри и даже временами умудрялся её не замечать.

— Не припомню. Вопрос долгов он со мной не поднимал.

— Вот как? — очень ненатурально удивился его собеседник. — Значит, я правильно поступил, когда решил приехать к вам лично. Отправил бы помощника и наверняка путаница какая-нибудь вышла бы. Видите ли, ваш отец занимал крупную сумму у моего, а когда семейный бизнес полностью отошёл мне, держателем долга стал я.

Яр сдержался от идиотского желания присвистнуть.

Охренеть расклад вырисовывался. Оказывается, в послед-

ние годы, пока Яр усиленно работал над устройством собственного благополучия, отец ходил кланчить деньги у тех, с кем до тех пор особенно никогда и не общался?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.